

От оральной зависимости до анального уничтожения: траектория женской субъектности без материнской защиты в «Соборе Парижской Богоматери» Гюго

А. В. Машкарина

Машкарина Алёна Владимировна – магистр психологии, психоаналитически ориентированный психолог

В статье анализируются ключевые аспекты психологии Эсмеральды: ранняя травма утраты матери и нарциссическое использование дочери (в терминах концепций Х. Кохута и Д. Винникотта), символика Собора как метафорического материнского ложа, ставшего убежищем для так и не состоявшейся сепарации. Особое внимание уделяется объектным отношениям героини: инфантильной проекции в связи с Фебом, формальности брака с Гренгуаром и садомазохистской динамике с Фролло. Проводится параллель с Квазимодо – их общая участь отверженных, фиксация на прездипальной стадии и регрессия к оральным паттернам (К. Абрахам, З. Фрейд). В контексте гендерной проблематики рассматривается деконструкция фрейдовской «зависти к пенису» (Ж. Шассге-Смиржель) и подчеркивается ключевая роль материнской фигуры в формировании женской идентичности.

Ключевые слова: эдипальный конфликт, материнская депривация, женская субъектность, объектные отношения, прездипальная фиксация, нарциссизм, психосексуальные стадии.

Образ Эсмеральды в романе Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери» вот уже почти два столетия остается одним из самых привлекательных женских образов мировой литературы (Гюго, 2021). Однако при всей кажущейся простоте и ясности этого персонажа, его психологическая структура содержит глубинные противоречия, требующие серьезного психоаналитического осмысления. Данная статья ставит своей целью исследовать траекторию женской субъектности Эсмеральды через призму психоаналитической теории с особым акцентом на проблеме отсутствия

материнской защиты и ее последствий для формирования женской психики. В статье будут рассмотрены отношения Эсмеральды с окружающими ее объектами и динамика этих отношений. Важными акцентами статьи станут историческая эпоха, в которой происходят действия романа и образ метафорического лона в виде собора Парижской Богоматери.

Для того, чтобы разобраться в хитросплетениях объектных отношений юной Эсмеральды, которой в романе 16 лет, важно разобраться с понятием женского эдипального конфликта.

В своем классическом труде «Три очерка по теории сексуальности» (1905) Зигмунд Фрейд первоначально описывал женское психосексуальное развитие как симметричное мужскому. Однако в более поздней работе «О женской сексуальности» (1931) он пересмотрел эту позицию, признав существенные различия в развитии мальчиков и девочек (Фрейд, 2006).

Фрейдовская концепция женского Эдипова комплекса, представленная в работе «Я и Оно» (1923), включала два ключевых положения. Во-первых, идею кастрационного комплекса как центрального элемента женского психосексуального развития. Во-вторых, представление о необходимости смены первичного объекта любви с матери на отца (Фрейд, 2019).

Мелани Кляйн в работе «Психоанализ детей» (1932) предложила существенную ревизию этих взглядов (Кляйн, 1997). Она утверждала, что Эдипов комплекс формируется значительно раньше, чем предполагал Фрейд, и его истоки следует искать в самых ранних отношениях младенца с матерью. Этот подход получил дальнейшее развитие в ее работе «Зависть и благодарность» (1957), где Кляйн сместила акцент с зависти к пенису на первичную зависть к матери (Кляйн, 1997). В дальнейшем развитии взглядов на формирование женской сексуальности кастрационному комплексу отводят место далеко не первое, как например в книге «Женская сексуальность. Новые психоаналитические исследования» под редакцией Ж. Шассге-Смиржель. Эта коллективная монография, объединившая ведущих французских аналитиков середины XX века, предприняла смелую попытку деконструкции фрейдовской концепции «зависти к пенису» и предложила альтернативную модель понимания женской сексуальности (Женская сексуальность, 2023).

Шассге-Смиржель и ее коллеги последовательно доказывают, что женственность формируется через сложную систему идентификаций с материнским телом, а не через отказ от него в пользу отцовской фигуры.

Особое значение в книге уделяется роли ранних отношений матери и дочери как фундаменту для здоровой сексуальной идентичности. В противовес идее Фрейда о том, что девочка вынуждена «менять объект» с матери на отца, авторы сборника показывают, что именно первичная связь с матерью создает основу для последующего принятия женского тела и его возможностей.

В работе Каролин Эльячефф, Натали Эйниш «Дочки-матери: третий лишний?» особенно подчеркивается значение материнской фигуры. Авторы отмечают, что без здоровых отношений с матерью девочка не может правильно пройти эдипальную стадию – она либо застревает в

преэдипальных отношениях, либо формирует искаженное представление о мужских и женских ролях (Эльячефф, Эйниш, 2006). Этот тезис имеет принципиальное значение для данного анализа, так как именно отсутствие материнской фигуры в жизни Эсмеральды становится ключевым фактором, определяющим ее трагическую судьбу.

Эсмеральда является дочерью куртизанки Паукетты, которая вложила все свои чаянья в дочь. Для Паукетты, которая всю жизнь служила как объект и никогда как субъект, дочь становится единственным смыслом жизни. Это вносит нездоровую динамику в процесс формирования Эсмеральды, которая могла бы стать нарциссическим расширением для своей матери (Кохут, 2003). Паукетта теряет Эсмеральду, когда той исполняется год. Ее крадут цыганки, которые предсказывали Паукетте, что ее дочь станет никем иным, как будущей королевой Франции. Так Паукетта подпитывала свой нарциссизм посредством дочери. *«Нарциссическая мать воспринимает ребенка как часть собственного Я, а не как отдельную личность. Ее любовь условна – только за соответствие ее ожиданиям»* (Кохут, 2003, с. 178).

Рядом с такой матерью сложно ощущать защищенность и возможность безопасно формировать самость, каков в таком случае потенциал субъектности для женщины в отношениях? После того, как Эсмеральду крадут цыганки, в комнату к Паукетте был подкинут Квазимодо. Данную сцену можно рассмотреть с разных сторон. Насколько материнская любовь Паукетты отличалась от той, которую мать Квазимодо испытывала к нему? Если бы ее дочь не обладала красотой и не была способна отразить, подобно зеркалу, надежды матери – проявляла бы она по отношению к дочери свою заботу? Либо Эсмеральда была оставлена матерью подобно уродцу горбуну, но метафорически? Она была оставлена психически, не имея возможности безопасно развиваться. Она служила отражением для матери, чтобы в дальнейшем повторить и заново разыграть эту травму в отношениях с мужскими персонажами книги, где для каждого она была лишь проекцией, объектом, где интересуются лишь ее внешним образом. Неспособность матери отразить ее нутро, сконтейнировать ее, могла отразиться в поиске этого отражения в глазах толпы, для которой Эсмеральда выступала. Так она реализовала трансгенерационную травму, доставшуюся ей от матери, которая никогда не была субъектом, и собственный паттерн первичных отношений, где она была зеркалом психики другого. Образ матери Эсмеральды в романе мы предлагаем представить как психологический феномен, который может быть рассмотрен через призму расщепления на Мадонну и блудницу. Этот механизм, описанный в психоаналитической традиции, проявляется в том, что мать Эсмеральды, будучи проституткой, одновременно воплощает две противоположные архетипические роли: униженную сексуальную объектность («блудница») и идеализированную чистоту, проецируемую на дочь («Мадонна»). Можно проанализировать, как мать передает Эсмеральде трансгенерационные фантазии – бессознательные установки, связанные с идеализированной мужественностью (образы клиентов, которых она обслуживала) и компенсаторным желанием искупить

собственный стыд через «непорочность» дочери. Подобный процесс соответствует концепции нарциссического использования ребенка (Кохут, 2003), где дочь становится контейнером для нереализованных материнских фантазий. Ключевым аспектом является психическая колонизация: мать сохраняет для себя идентичность «блудницы», тогда как идентичность «Мадонны» изгоняется в дочь, создавая патологическую двойную связь: «Будь святой там, где я была грешной». При подобной идентификации с матерью Эсмеральда бессознательно воспроизводит материнский конфликт, разрываясь между сакрализацией и обесцениванием отношений с мужчинами.

В этом случае единственное место, где она могла ощущать связь с матерью – в ее утробе, когда границы физического и психического между матерью и младенцем скорее стерты, и нет потребности формировать свое Я, что позволяет безопасно пребывать в союзе с первичным объектом для ребенка. Финальный акт трагедии – возвращение Эсмеральды в собор как в символическую утробу – может быть интерпретирован как отказ от психосексуальной зрелости и бессознательное подчинение материнскому сценарию. Это первое и последнее убежище для психики, которой не суждено пройти сепарационный процесс полноценно. В произведении таким лоном символически служит Собор Парижской Богоматери.

Тонкая нить, которая связывает Квазимодо и Эсмеральду, тянется на протяжении всего произведения Гюго. Метафорически можно рассматривать Квазимодо как «обратную сторону» психического Эсмеральды. Они оба «отверженные», маргинальные. Он, рожденный с внешним уродством, и она, ставшая частью цыганского табора, заклеянная, как ведьма. Каждый из них был отвергнут первичным объектом, негласно ими был получен запрет на развитие. Оба остаются детьми в своем психосексуальном становлении, и обоим не суждено вступить в генитальную фазу своей сексуальности. Эсмеральда, хранившая на шее амулет, в котором лежал ее детский носок, и давшая обещание хранить девственность, веря, что это позволит ей воссоединиться с матерью – метафорически, дочь, которая отказывается взрослеть, чтобы оставаться в слиянии. Квазимодо был брошен, и его «материнский объект» – сначала собор (убежище), потом Эсмеральда, но не как сексуальный объект, а как источник безусловной доброты. Это платоническая детская любовь, ведь Квазимодо не испытывает кастрационной тревоги, он уже кастрирован и изгнан обществом и не способен вступить на другие этапы своего психосексуального развития. Таков пример инфантильного эротизма, его любовь остается доэдипальной без телесного измерения. Трагическая фигура Квазимодо в романе Гюго представляет собой классический случай глубокой психосексуальной фиксации на оральной стадии развития. Брошенный в младенчестве, лишенный материнской груди и базового телесного контакта, герой на протяжении всей жизни демонстрирует паттерны поведения, характерные для орального типа личности. Его психологический портрет строится вокруг неутоленного символического голода, проявляющегося в ключевых сценах романа.

Сцена с водой у Эсмеральды («Он пил, как будто впервые утолял жажду») раскрывает глубину его оральной депривации – для Квазимодо это не просто утоление физической жажды, но акт компенсаторного насыщения, где вода становится суррогатом материнского молока.

Речевая регрессия героя (немота и инфантильная жестикуляция) прямо указывает на непройденную оральную фазу развития, когда рот так и не стал полноценным инструментом коммуникации (Фрейд, 2006).

Они оба замещают в произведении друг для друга материнский объект. Эсмеральда станет для Квазимодо образом пассивной оральной фиксации, зависимости, «материнской грудью», которой он был лишен. Символически этот момент отражен, когда Эсмеральда напоит водой привязанного к позорному столбу Квазимодо. Можно рассматривать этот жест и воду как аналог материнского молока. Квазимодо превращает внутриспсихически Эсмеральду в навсегда «хорошую грудь», объект идеализации и фантазий, инфантильного пассивного желания.

Сам же он сыграет для Эсмеральды материнский объект, когда спрячет ее в убежище собора и будет охранять и заботиться о ней, подобно матери, что вынашивает дитя. Это лоно «каменной матери» собора – символ их обоюдной тяги к когда-то испытанному океаническому чувству. «Тяга к возвращению в материнское лоно – это символическое выражение желания смерти как возврата в неорганическое состояние» (Фрейд, 2006, с. 312). Оба персонажа не имеют «защитной мембраны», сформированной материнской заботой, и потому ведомы влечением к смерти – будто бы оставаясь лояльными к бессознательному смертоносному желанию их матерей. Кульминация этого желания обнаруживает себя в финале произведения, где их скелеты были найдены в обнимку в том самом, столь необходимом для обоих слиянии в каменной утробе.

«Мать создает «защитный кокон» через первичную материнскую озабоченность, фильтруя внешние раздражители и придавая смысл внутренним состояниям младенца» (Винникотт, 1998, с. 45). Собор Парижской Богоматери, символика которого кроется уже в самом названии, стал материнской защитой, избавил от внешних раздражителей и придал смысл через религиозный аспект.

Являясь еще несформированной и незрелой, такая психика, как у персонажа Эсмеральды, может вызывать желание ею владеть, создавая иллюзию того, что ее можно «сформировать» и «удержать» психически. В особенности если у другого есть потребность в анальной атаке на объект, как в случае с персонажем архидьякона Клода Фролло. Архидьякон Фролло представляет собой классический пример личности с выраженной анальной фиксацией. Его педантичность проявляется в фанатичной преданности науке и религиозным догмам. Обладая типичным анальным характером, он демонстрирует патологическую жадность – но не столько в материальном, сколько в эмоциональном плане, стремясь полностью обладать Эсмеральдой и не терпя никакого отказа. Его упрямство достигает патологических масштабов: даже после многократного отвержения со стороны цыганки он продолжает преследовать ее с фанатичной жестокостью.

Фрейдистская концепция переноса влечений помогает понять трансформацию личности Фролло. Изначально его либидозная энергия находила сублимированный выход в религиозном служении и научных изысканиях. Однако встреча с Эсмеральдой спровоцировала прорыв подавленной сексуальности, которая приняла форму болезненной одержимости. Попытки рационализировать это влечение – объявление Эсмеральды «дьявольским искушением» – являются классическим примером психологической защиты через проекцию.

Особенно показательно в контексте анальной фиксации то, что Фролло воспринимает Эсмеральду как собственность, которую нужно удерживать. Это полностью соответствует фрейдовской параллели «ребенок = кал = пенис», где объект желания становится чем-то, что нельзя «отпустить». Его чувства к цыганке – это не зрелая любовь, а инфантильное, собственническое отношение, напоминающее отношение анального типа к деньгам или другим символическим эквивалентам.

Крайняя форма проявления анально-садистического комплекса проявляется в финале истории. Не сумев добиться обладания Эсмеральдой, Фролло выбирает путь ее уничтожения – что соответствует фрейдовскому пониманию садизма как компонента анальной стадии. Этот поступок демонстрирует полный крах механизмов сублимации: вместо преобразования энергии влечений в социально приемлемые формы (религиозное служение, научную деятельность), Фролло регрессирует к примитивным, инфантильным способам реагирования.

Трагедия Фролло заключается именно в этой неспособности к здоровой сублимации. Его строгое религиозное воспитание не помогло, а лишь способствовало подавлению естественных влечений, которые затем прорвались в самой деструктивной форме – форме анального уничтожения. Ведущей религией в Европе тех лет был католицизм, который оперирует образом всемогущего, карающего Отца на небесах, всевидящего ока, что, безусловно, оказывает мощное давление на Суперэго. «Зависть к пенису» отца проявляется в мужской психике через зависть к его владению и контролю над матерью, но возникает страх наказания. Одновременно с этим религиозное жестокое Суперэго требует искупления вины. Как описывал Фрейд в работе «Тотем и Табу», в этом случае приносится сакральная жертва, призванная очистить грех (Фрейд, 2019). Той самой жертвой, которая была призвана совершить искупление перед Отцом, становится женщина-ведьма. Она является объектом проекции непереносимых чувств, и, избавившись от нее, можно избавиться и от них. Кроме того, так можно уничтожить и материнский объект, оставшись в психически гомосексуальных отношениях с чрезмерно идеализированной фигурой отца, где ничто не препятствует полному симбиозу и нарциссическому отождествлению себя с ним, с самим божеством. Атака на мать ведет за собой вину, но, превратив мать в «сакральную жертву», репрезентировав ее как «ведьму», такая жертва экономически оправдана законом морального нарциссизма. В моменте исступления, невозможности обладать Эсмеральдой Фролло решает предать ее плахе, повторяя при этом, что в его безумии виновата она. Чувство вины в рамках строгой

пуританской религии настолько невыносимо, что он отщепляет ее и размещает в Эсмеральде. Совмещая в себе роли «козла отпущения» и мишени для проекций, женская фигура в одном лице воплощает вину и позволяет избавиться от нее: сжигая ведьм, бессознательно стремились сжечь не только свои грехи, но и грехи отца, чтобы оставить его образ идеализированным и чистым, выражая преданность этой гомосексуальной связи.

Также интересно будет рассмотреть отношения Эсмеральды с мужскими персонажами, которых она выбирала для объектных отношений. Помимо компенсаторных отношений с Квазимодо и садистических с Фролло, в книге есть два персонажа, с которыми она пыталась выстроить объектные отношения по собственной воле. Анализ объектных отношений Эсмеральды в романе Гюго необходимо начинать с понимания глубинной травмы, полученной ею в результате насильственной сепарации от матери в младенческом возрасте. Как мы обсуждали ранее, этот разрыв в критический период формирования привязанности (около 1 года) создал фундаментальный дефицит базового доверия к миру, что впоследствии проявилось в характерных паттернах ее отношений с мужскими персонажами. Травма брошенности, усугубленная отсутствием материнского «контейнирования» и «зеркального отражения» предопределила два основных вектора ее объектных связей – болезненную идеализацию Феба и формальную связь с Гренгуаром.

Отношения Эсмеральды с Фебом де Шатопером представляют собой классический пример того, как неразрешенная травма материнской потери трансформируется в инфантильную проекцию. В капитане Фебе она видит не реального человека, а идеализированный образ защитника-спасителя, восполняющий утраченную материнскую функцию. Этот феномен можно рассматривать через призму теории «транзитного объекта» (Винникотт, 1998) – подобно тому, как ребенок наделяет особой ценностью предмет, замещающий мать, Эсмеральда наделяет Феба чертами, которыми он не обладает. Ее слепая вера в этого «рыцаря» отражает глубинный конфликт между потребностью в защите (которую должна была дать мать) и страхом повторного отвержения. Характерно, что даже в момент смертельной опасности она продолжает звать Феба, демонстрируя тем самым регрессию к инфантильной модели поведения, когда крик адресован отсутствующей матери.

В отличие от эмоционально заряженной связи с Фебом, ее фиктивный брак с Пьером Гренгуаром представляет собой другой полюс компенсации материнской депривации – формальную, лишенную подлинной интимности связь, напоминающую отношения с «достаточно хорошей» (но не любящей) няней. Гренгуар, как и цыганская община в детстве Эсмеральды, дает ей лишь видимость защиты, оставаясь эмоционально недоступным. Этот паттерн соответствует тому, что в теории привязанности называется «избегающей стратегией» – Эсмеральда соглашается на эти отношения именно потому, что они не требуют глубокой эмоциональной вовлеченности и, следовательно, не несут риска повторной травмы отвержения. В этом прослеживается прямая параллель с ее детским опытом: подобно

тому, как она была вынуждена принять правила цыганского табора после утраты матери, она принимает этот фиктивный брак как замену подлинной близости.

Сравнительный анализ этих двух типов отношений особенно важен для понимания того, как материнская депривация влияет на последующее формирование объектных связей. Если связь с Фебом воспроизводит травматический опыт отношений с нарциссически ненаполненной матерью (он так же эмоционально недоступен, как и ее мать, видит в ней лишь физические достоинства), то отношения с Гренгуаром повторяют опыт вынужденной адаптации к формальному окружению (аналогично ее жизни среди цыган). Оба типа связей демонстрируют фундаментальную невозможность для Эсмеральды сформировать зрелые объектные отношения, она колеблется между крайностями, являясь по сути психически незрелой, будучи лишенной материнской «защитной мембраны» для формирования более здоровой психики.

Особую значимость этот анализ приобретает в контексте финальной сцены романа, где Эсмеральда, умирая, наконец воссоединяется с матерью. Этот момент можно интерпретировать как символическое разрешение ее экзистенциального конфликта – только в смерти она обретает то, чего была лишена при жизни: безусловную связь с материнской фигурой. Таким образом, вся ее жизнь между утратой матери в младенчестве и воссоединением с ней перед казнью предстает как мучительный поиск утраченного объекта первичной привязанности и отказ от собственной субъектности в процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кляйн М.* Психоанализ детей / Пер.с англ. А. Хавина. Спб.: Б.С.К., 1997а. 160 с.
2. *Кляйн М.* Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников / Пер. с англ. А. Ускова. СПб.: Б.С.К., 1997b. 96 с.
3. *Кохут Х.* Анализ самости / Пер. с англ. А. Шуткова. М.: Когито-Центр, 2003. 368 с.
4. *Фрейд З.* Три очерка по теории сексуальности / Пер. с нем. Р. Додельцева // Собрание сочинений в 10 т. Т. 5. М.: Фирма СТД, 2006а. 480 с.
5. *Фрейд З.* Я и Оно / Пер. с нем. Л. Голлербаха. СПб.: Азбука, 2019а. 224 с.
6. *Фрейд З.* Недовольство культурой / Пер. с нем. Р. Додельцева // Собрание сочинений в 10 т. Т. 10. М.: Фирма СТД, 2006b. 320 с.
7. *Фрейд З.* Тотем и табу / Пер. с нем. М. Вульфа. М.: АСТ, 2019b. 256 с.
8. Женская сексуальность. Новые психоаналитические исследования / Под ред. Жанин Шассге-Смиржель; пер. с франц. И. Кушнаревой. М.: ИОИ, 2023. 416 с.
9. *Эльячефф К., Эйниш Н.* Дочки-матери. Третий лишний? / Пер. с франц. О. Бессоновой. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006. 280 с.

10. Винникотт Д. Маленькие дети и их матери / Пер. с англ. Н. Падалко. М.: Независимая фирма «Класс», 1998. 80 с.
11. Гюго В. Собор Парижской Богоматери / Пер. с фр. Н. Коган. М.: Эксмо, 2021.

From Oral Addiction to Anal Annihilation: The Trajectory of Female Subjectivity without Maternal Protection in Hugo's Notre Dame de Paris

A. V. Mashkarina

Mashkarina Alena V., Master of Psychology, psychoanalytically oriented psychologist.

The article analyzes key aspects of Esmeralda's psychology: the early trauma of maternal loss and narcissistic exploitation of the daughter (in terms of H. Kohut's and D. Winnicott's concepts), the symbolism of the Cathedral as a metaphorical maternal womb that becomes a refuge for failed separation. Particular attention is paid to the heroine's object relations: infantile projection in her connection with Phoebus, the formality of marriage with Gringoire, and the sadomasochistic dynamic with Frollo. A parallel is drawn with Quasimodo – their shared fate as outcasts, fixation at the pre-Oedipal stage, and regression to oral patterns (K. Abraham, Z. Freud). Within the context of gender issues, the article examines the deconstruction of Freud's "penis envy" (J. Chasseguet-Smirgel) and emphasizes the crucial role of the maternal figure in the formation of female identity. Keywords: oedipal conflict, maternal deprivation, female subjectivity, object relations, pre-oedipal fixation, narcissism, psychosexual stages of development.